

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Б. И. НАДЭЛЬ и Р. Г. ПИОТРОВСКИЙ

О ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ И СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПОПРАВКАХ В ДИАХРОНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Определение соотношения между разговорной речью и языком письменных памятников является одним из основных вопросов при изучении истории того или иного языка. Некоторые языковеды пытаются решить этот вопрос путем простого отождествления живой речи с языком письменных памятников. Примером могут служить работы американских романистов школы Г. Ф. Мюллера (Г. Ф. Мюллер, И. А. Пей, Л. Ф. Сас, П. Тейлор), в которых меровингские и каролингские документы VII—VIII вв. рассматриваются как аутентичное свидетельство галлороманской речи¹. Однако живая речь в древних текстах обычно не отражена. Ее приходится восстанавливать при помощи косвенных данных. Чаще всего здесь применяются следующие приемы: а) обратные реконструкции при помощи данных родственных языков; б) использование текстовых реагентов, т. е. таких текстовых явлений, которые, обладая внутренней связью с другими интересующими ученого, но скрытыми от его непосредственного наблюдения процессами, отражают своими изменениями ход этих последних.

В меньшей степени здесь могут быть применены наблюдения древних писателей и грамматистов, а также анализ заимствований в других языках. Однако часто случается, что слишком прямолинейное использование этих приемов даст в отношении одного и того же восстанавливаемого явления разные, не сводимые к одному знаменателю результаты.

Одна из основных причин такого положения состоит в том, что указанные приемы применяются без учета дополнительных поправок, т. е. хронологических, стилистических, лингво-географических и других коррективов, каждый из которых представляет собой своеобразный дифференциал, получаемый в результате сопоставления не менее двух явлений, одно из которых может быть и не языковым феноменом (историческим, географическим, археологическим и т. п.). Поскольку каждый языковой факт представляет собой индивидуальный комплекс различных языковых и неязыковых функций, то по существу эта поправка (или поправки) должна выводиться применительно к каждому реконструируемому языковому факту в отдельности (в лучшем случае к группе близких или однотипных фактов).

Особенное значение приобретают лингвистические поправки в случаях применения статистического метода для анализа языкового материала. Дело в том, что в настоящее время одной статистической методикой пока еще нельзя исчерпать всю сложность языковых процессов. Больше того,

¹ Как известно, это положение подверглось в свое время справедливой критике Г. Мейера. См. H. M e i e r, Über das Verhältnis der romanischen Sprachen zum Lateinischen, RF, Bd. 54, Hf. 2, 1940, стр. 187. Ср. также Б. И. Надэль, Проблема «народной» латыни и вопросы происхождения молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, «Уч. зап. [Ин-та истории, языка и литературы МФАН СССР]. Серия филологическая, т. IV—V, Кишинев, 1955, стр. 130—131.

без предварительных поправок на жанр, стилевую структуру, хронологическую характеристику исследуемого текста его статистическая обработка может дать искаженную картину языковой действительности¹.

Так, например, как уже указывалось, романисты американской школы проф. Мюллера считают, что позднелатинский текстовый материал до первой половины VIII в. может в «разумных пределах» отражать живую народную речь, в то время как документы конца VIII в. отражают уже «искусственный» язык, что связано с реформаторской деятельностью Карла Великого. Исходя из этой предпосылки, Л. Ф. Сас обстоятельно обследовал большое количество латинских памятников VI—VIII вв. с целью показать рост аналитических и сокращение флективных элементов в системе латинского склонения².

В выводах исследования даны процентно-статистические таблицы, которые должны дать общую картину хода исследуемого процесса³. Однако уже при беглом ознакомлении с материалом таблиц бросается в глаза, что подсчеты Саса не отражают последовательного нарастания в памятниках элементов аналитизма, которые следовало бы ожидать, исходя из данных романских языков⁴.

Преобразовав полученные Сасом результаты в виде графика, получаем:

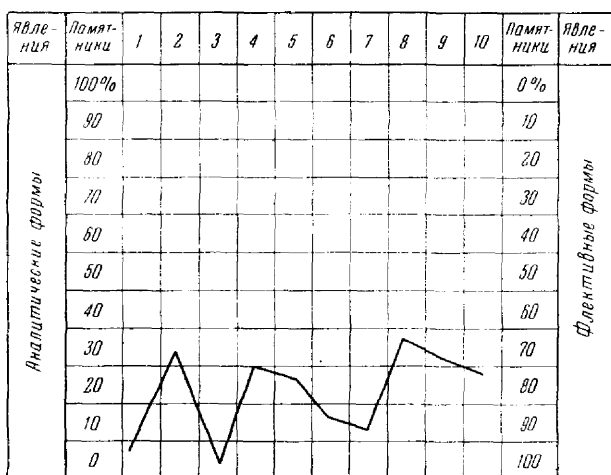

График наглядно показывает, что приведенные статистические данные очень непоследовательно отражают рост аналитизма в системе позднелатинского склонения. Уже «скачки» статистической кривой свидетельствуют о том, что подсчеты Саса не отражают реальный ход языкового развития, которое происходит обычно путем постепенного накопления фактов. Весь график нуждается в каком-то коррективе. В чем же сущность этого последнего? Здесь нужно иметь в виду не только общее соотношение

¹ Ср. по этому поводу: P. Guiraud, *Les caractères statistiques du vocabulaire. Essai de méthodologie*, Paris, 1954, стр. 75—88; В. В. Иванов, Вероятностное определение лингвистического времени (в связи с проблемой применения статистических методов в сравнительно-историческом языкознании), сб. «Вопросы статистики речи (материалы совещания)», Л., 1958, стр. 66—67; Р. Г. Потроу-ски й, Некоторые вопросы статистического обследования лексических групп, там же, стр. 85—92; A. R a u n, Über die sogenannte lexikostatistische Methode oder Glottochronologie und ihre Anwendung auf das Finnischugrische und Türkische, «Ural-altai-sche Jahrbücher», Bd. XXVIII, III, 3—4, 1956, стр. 151—154.

² См. L. F. S a s, The noun declension system in Merovingian Latin, Paris, 1937, стр. 16. Правда, следует заметить, что в статистических выкладках Л. Ф. Саса имеются и некоторые недочеты: оперируя общим количеством интересующих его феноменов, автор не учитывает объема текста в разных памятниках, а также часто использует ничего не говорящие читателю малые величины (ср. стр. 408, 409, 430 и др.).

³ Там же, стр. 499—518.

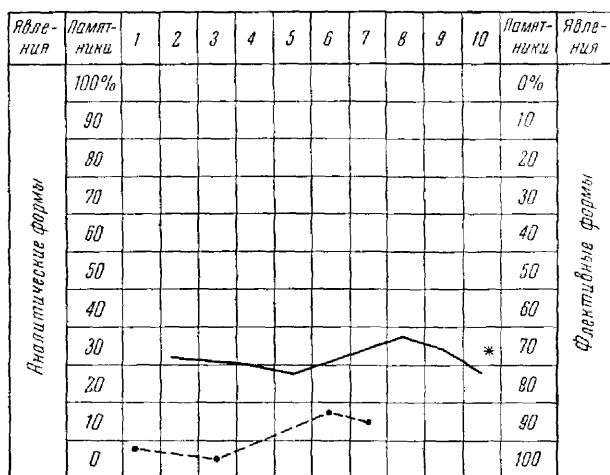
⁴ Там же, стр. 499, 500, 502, 506, 509.

языка письменных памятников раннего средневековья и народноразговорной протороманской речи, но и внутрителивую дифференциацию письменного языка. В письменном языке меровингской и каролингской эпох выделяются два стиля: литературно-повествовательный и канцелярско-деловой. Как известно, зависимость литературного стиля от классических норм была всегда весьма значительна. Проникновение народноразговорных элементов, конечно, имело здесь место, но оно встречало сознательное сопротивление со стороны средневековых книжников и совершалось помимо их воли.

Иное дело канцелярско-деловой стиль. Здесь авторы и переписчики средневековых документов шли обычно двумя путями в выборе языковых средств. Во-первых, средневековые книжники в меру своих филологических возможностей стремились копировать образцы латинской деловой речи. Они широко использовали (особенно в начале и конце документа) формулы латинского делового стиля, стремясь таким образом сублимировать изложение и придать ему характер авторитетности. Во-вторых, нужно было сделать содержание документа понятным для заинтересованных лиц, которые говорили на языке, уже довольно далеко ушедшем от латинских канонов. Поэтому авторы и переписчики вынуждены были несколько приближать свое изложение к нормам живой речи и наряду с бессознательным употреблением народноразговорных форм сознательно вводили в текст протороманские обороты, а иногда и целые купюры¹.

В связи с этим памятники, ориентирующиеся на литературный стиль, показывают значительно меньшую степень романизации, чем памятники канцелярско-делового стиля. Учитывая эту стилистическую дифференциацию, попробуем перегруппировать памятники, используемые в книге Саса. «Peregrinatio Aetheriae», «Historia francorum» Григория Турского, «Liber historiae francorum», а также в целом и «Formulae Marculfi»² попадут в группу памятников, написанных в литературно-повествовательном стиле, остальные памятники бесспорно отражают канцелярско-деловой стиль.

Учитывая эту стилистическую перегруппировку памятников, соответственно расчленим приведенный выше график:

* Сокращение аналитических форм в картуляриях 770–800 гг. объясняется оживлением латинских традиций в эпоху так называемого Каролингского возрождения.

¹ Это относится также ко всякого рода примечаниям на обороте документов. Ср.: J. Viellard, *Le latin des diplômes royaux et chartes privées de l'époque mérovingienne*, Paris, 1927, стр. 110; M. A. Pei, *The language of the eighth century texts in northern France*, New York, 1932, стр. 10–11 и 386.

² Хотя «Формулы Маркульфа» по содержанию представляют собой деловые документы, по характеру изложения они близки к памятникам литературно-повествовательного жанра.

Как явствует из последнего графика, применение стилистической поправки к статистическим данным Саса позволяет обнаружить в них реальное отражение постепенного накопления аналитических элементов в системе позднелатинского склонения.

*

В современных глоттохронологических исследованиях наряду со стилистическим коррективом приходится применять и собственно хронологическую поправку. При этом чаще всего оба корректива используются вместе. Примером такого комбинированного корректива может служить поправка, принимаемая при тех лингвистических расчетах, которые приходится проводить при определении времени возникновения романского артикаля¹.

Критериями превращения позднелатинских указательных прилагательных *ille* и *ipse* в артикаль служит, во-первых, их регулярное употребление, а во-вторых, фонетическая синкопа. Во Франции регулярное употребление синкопированных детерминативов (артикаля) впервые отмечается в конце IX в. («Секвенция о св. Евлаллии»), в Испании — на рубеже X—XI вв. (Силосские и Эмпляньские глоссы), в Италии — по существу с XI—XII вв. («Formula di confessione», «Ritmo cassinese» и др.²). Однако здесь мы имеем дело каждый раз с первым письменным проявлением романской речи, дата которого является более или менее случайной и не дает, таким образом, возможности судить о времени формирования артикаля. В разговорном языке этот последний мог появиться и сто, и двести, и триста лет до появления первых романских памятников.

Поэтому необходимо фиксировать появление синкопированных детерминативов в тех стилях романо-латинской письменности, где письменная традиция не прерывалась. Наиболее подходящим с этой точки зрения стилем является канцелярско-деловой. Вместе с тем в деловых текстах встречаются изредка и вкрапления народноразговорной речи. Эти последние особо необходимы при определении искомой поправки.

В чем же состоит сущность этой поправки? Она заключается в том, что данные канцелярско-делового стиля необходимо спроецировать на народноразговорную речь, являющуюся той средой, в которой обычно происходит формирование новых языковых категорий. В свою очередь это стилистическое проецирование сводится к определению хронологической разницы между первым появлением интересующей нас формы в канцелярско-деловом обиходе и ее зарождением в разговорной речи. Именно поэтому указанная поправка является не только стилистической, но также и хронологической.

После этих предварительных замечаний перейдем к определению искомой поправки. Учитывая разные темпы формирования и развития романских языков, мы будем определять указанную поправку для каждой зоны отдельно. Начнем с зоны французского языка. Впервые препозитивные синкопированные формы местоименных сопроводителей появляются в деловых документах на рубеже IX и X вв. Ср. в Клунийских хартиях: «el alio campo in la cultura a Bieria, vocant super los Grineurios» (документ 900 г., Брея — см. ChCL, 1, стр. 78)³; «infra ista terminatione

¹ Ср. Р. Г. Плотровский, Формирование определенного артикаля в романских языках. Автореф. докт. диссерт., Л., 1956. Ср. A. L. Kroeber, Romance history and glottochronology, «Language», vol. XXIV, № 4, 1958, стр. 454—457.

² См. соответственно: В. Ф. Ишимарев, Книга для чтения по истории французского языка IX—XV вв., М.—Л., 1955, стр. 22—24; R. Menéndez Pidal, Orígenes del Español, Estado lingüístico de la península Iberica hasta el siglo XI, Madrid, 1950, стр. 1—24; W. von Wartburg, Raccolta di testi antichi italiani, Bern, 1946, стр. 110—12.

³ В статье приняты следующие сокращения: AGIt — «Archivio glottologico italiano», Torino; F. Brunot — F. Brunot, Précis de grammaire historique de la langue française, Paris, 1899; Э. Бурсье — Э. Бурсье, Основы романского языкозна-

la medietate» (документ 902 г., Кастелло — см. ChCl., 1, стр. 86) и др. Разговорной речи они были известны, очевидно, уже в конце VIII в. Ср. их использование в шутливой надписи разговорного характера на рукописи Салической Правды: *de cabo, la tota, lis potionis, la terciat*, Hussels, XII. Ср. также топоним *Lagarda* в документах начала IX в. (см. A. Vincent, § 733). Косвенным подтверждением появления этих форм в указанный период может служить также употребление синкопированного местоимения 3-го лица в романской формуле *tu le fuvu* «помоги ему», приведенной в одном из документов конца VIII в. (F. Brunot, стр. 11). Как известно, фонетическое ослабление личных местоимений идет параллельно с синкопированием форм детерминатива-артикла¹. Таким образом, хронологическая разница равна здесь 100—120 годам.

Попробуем проверить этот результат на другом материале.

Постпозитивное синкопирование местоименных сопроводителей широко представлено в деловых документах на рубеже VII—VIII вв. Ср. в «Формулах Маркульфа»: *inlustri viro lui*, *inoraesuae lei* и др., а также в других формулах начала VIII в.² Впервые же постпозитивное синкопирование местоименного сопроводителя отмечено в черновой рукописи Григория Турского (около 590 г.): *«datis tamen domesticolli munera prius»*³.

Характерно, что этот последний контекст имеет разговорную тональность. Таким образом, развитие синкопы постпозитивных детерминативов в разговорной речи следует относить к концу VI в. Хронологический коэффициент равен здесь снова 100—120 годам. Эту цифру мы и будем использовать в качестве минимальной стилистико-хронологической поправки при анализе языка средневековолатинских документов Северной Галлии.

Сходную картину дает иберороманская зона. Впервые в деловой письменности препозитивно-синкопированные формы появляются в конце X в. Ср. в кастильском документе 978 г.: *«el III dia in na septimana inna aria iuxta el rozo»* и т. д.⁴. Аналогичные формы дают Эмильиенские и Силосские глоссы (около 1000 г.). Однако в разговорной речи указанные формы употреблялись уже на 100—140 лет раньше. Об этом говорят данные топонимики IX в. Ср. *«per terminum de Penna do (de + lo) Vado»* (документ 866 г., Галисия)⁵.

Что касается латинских памятников Италии, то они в гораздо меньшей степени, чем документы Испании (не говоря уже о памятниках Галлии), отражают развитие живой разговорной речи. Как известно, в Италии латинская традиция была сильнее, чем в остальных областях Романии. Дело здесь не только и не столько в том, что в Италии больше, чем, например, на севере Франции, сохранялись центры латинской образованности и что такие позднелатинские авторы, как Амвросий Медiolанский (конец IV в.), папа Григорий Великий (VI в.), в своих сочинениях давали образцы «цицероновской» латыни. Само собой понятно, что классической латынью в совершенстве владели лишь единицы, а основная масса средневековых книжников обладала более слабой филологической подготовкой.

ния, М., 1952; ChCl. — A. Berthard, A. Bruehl, Recueil des chartes de l'abbaye de Cluny, 1—III, Paris, 1874—1884; Hussels — I. H. Hussels, H. Kern, Lex Salica, the ten texts with the glosses, London, 1880; MGH — «Monumenta Germaniae historica... Auctorum antiquissimorum», t. 1—XV, Berlin, 1877—1919; REL — «Revue des études latines», Paris; A. Vincent — A. Vincent, Toponymie de la France, Bruxelles, 1937.

¹ См.: J. Melander, Étude sur l'ancienne abréviation des pronoms personnels régimes dans les langues romanes, Uppsala, 1928, стр. 156; G. Rydberg, Zur Geschichte des französischen *ö*, Monosyllaba im französischen: demonstrativen Komposita, Relativa, Konjunktionen, Adverbien, Uppsala, 1907, стр. 420.

² J. Vieillard, указ. соч., стр. 142.

³ Цит. по кн.: E. Gamillscheg, Zum romanischen Artikel und Possessivpronomen, «Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften», Phil.-hist. Klasse, XXI—XXIX, Berlin, 1936, стр. 342.

⁴ R. Menéndez Pidal, указ. соч., стр. 853.

⁵ A. G. Freijomil, El idioma gallego. Historia, gramática, literatura, Barcelona, 1935, стр. 81.

Сила латинской книжной традиции проявлялась в том, что даже малообразованные писцы и переписчики феодальных канцелярий всеми силами стремились соблюдать (разумеется, не всегда последовательно и удачно) нормы классической латыни, не допуская даже мысли об использовании элементов народной речи (*volgaré*). Романские вкрапления в языке латинских документов Италии VI—X вв. должны быть отнесены только за счет качества филологической подготовки их авторов и переписчиков, но не за счет сознательного или несознательного стремления сделать язык документов понятным для заинтересованных лиц, как это бывало в Галлии и в Испании. Высокий престиж латинского языка объясняется здесь также не столько устойчивостью культурных латинских традиций, сколько исключительной политической ролью церкви с ее латинским делопроизводством и культовым использованием латинского языка. Кроме того, политическая раздробленность Италии, отсутствие устойчивых государственных образований препятствовали формированию новороманского национального самосознания. А это, разумеется, также тормозило проникновение народноразговорных элементов в язык итало-латинской средневековой письменности¹.

Таким образом, следует полагать, что стилистико-хронологическая поправка на употребление артикля для итало-латинских документов раннего средневековья должна быть больше, чем хронологический коэффициент памятников, написанных в других областях Романии.

Перейдем к определению хронологии развития артикля в Италии и выведению стилистико-хронологической поправки. В деловых документах синкопирование артикля после предлога прослеживается с конца X в. Ср. «*da lu mercatum*» (документ 966 г., Центральная Италия — см. de Bartolomea, *Spoglio del Codex Cavensis*, AGIt., XV, 1901, стр. 267); «*a la fusaga*» (документ 988 г., Центральная Италия — см. там же). В топонимии, отражающей нормы народноразговорной речи, эти формы обнаруживаются уже в конце VIII в. Ср. «*castello... qui vocitatur Sulla pina*» (документ 790 г., Тоскана, см. AGIt., IX, 1891, стр. 369, примеч. 2). К этому периоду мы и будем относить препозитивное синкопирование местоименного сопровождавателя. Что касается стилистико-хронологической поправки, то она для анпенино-романской зоны составляет 150—200 лет.

Итак, образование фонетико-морфологической и синтаксической формы артикля в Западной и Центральной Романии можно условно отнести к периоду, заключенному между 750 и 866 гг. Теперь попробуем проверить правильность полученных нами поправок. Используем для этой цели косвенные данные исторической фонетики. Как известно, в галлороманских и иберороманских языках, а также отчасти и в итальянском языке интервокальные глухие согласные подвергались озвончению. Ср. лат. *amica* > исп., сард., совр. итал. *amiga*; лат. *locum* > исп. *luego*, итал. *luogo*; лат. *ripa* > франц. *rive*, итал. *riva*; ср. исп. *arriba*; лат. *vita* > исп. *vida*. В дальнейшем озвонченный согласный во французском языке исчезал (*amie*, *vie* и т. д.). Процесс этот относится к протороманскому периоду. Начало его датируется V в., а заканчивается он примерно в конце VII в.².

Если бы возникновение определенного артикля произошло в позднелатинский период (т. е. между II и VII вв.), как это предполагают Бурсье

¹ Характерно, что первое свидетельство о противопоставлении латыни и романской речи относится в Италии к началу X в., т. е. на два века позднее, чем во Франции. Как указывает средневековая хроника, во время коронации Беренгария (915 г.) римские сенаторы декламировали приветственные стихи по-латыни (*patrio ore*), а народ произносил их по-итальянски (*nativa voce*) — см. «*Gesta Berengarii*» (923 г.), MGH, IV, 1, стр. 398.

² Спорадически он встречается и раньше, начиная со II в. н. э. См.: Э. Б у р с ь е, указ. соч., § 171; F. and R. P o l i t z e r, *Romance trends in VII-th and VIII-th century Latin documents*, Univ. of North Carolina press, 1953; A. T o v a r, *La sonorisation et la chute des intervocaliques—phénomène latin occidental*, REL, 1952, стр. 102—120.

(§ 108) и Вартбург¹, то начальные глухие согласные существительных (в первую очередь таких имен, которые обозначают конкретныечисляемые предметы) должны были бы подвергнуться вокализации. Ведь артикль в этом случае, теряя свою фонетико-синтаксическую самостоятельность, становился частью аналитической формы имени, а начальный согласный существительного приобретал в связи с этим интервокальный характер (примером может служить интервокальная трактовка начальных аффрикат и взрывных в существительных, имеющих артикль, в современном тосканском диалекте: [çitta], но [laʃitta]; [kasa], но [laχasa] и т. п.). Поэтому можно было бы ожидать появления романских форм типа **la biedra* вместо исп. *la piedra* < лат. *illa petra*; **la daupe* вместо *la taupe* < лат. *illa talpa*; **la gavalla* < лат. *illa cavalla* и т. п. Озвончение начальных согласных у имен существительных практически отсутствует в романских языках. Озвончение начального *s* в словах типа исп. *gale*, итал. *gatto* < лат. *cattus* или сев.-итал. *gabbia* < лат. *cavea* в счет не идет², поскольку эта вокализация имеет здесь очень древнее — вероятно пноязычное — происхождение; ср. греч. лат. *conger* и *gonger* — «морской угорь». Следовательно, в рассматриваемый период комбинация «детерминатив — существительное» [*illa (ila, la) petra*] имела характер свободного словосочетания, в котором детерминатив не утратил еще синтаксическую и фонетическую самостоятельность.

Вместе с тем существование отдельных топонимов, которые дают озвончение начального глухого согласного под влиянием абсорбированного артикля, имеющего гласный исход: португ. *Moimenta da Beira* (< *de illa petra*) (совр. Португалия), ст.-прованс. *altra a za Lobeiras* (< *illas petras*) (документ 1180 г.³), ст.-итал. *Lebinu* (< *illa pinus*) (*in Puciano Supto monte Lebinu* — документ 857 г., Салерно — AGIt, XV, стр. 274) — свидетельствует о том, что между обоими процессами существовало кратковременное соприкосновение. Этот хронологический контакт не мог осуществиться позже конца VIII или начала IX в., что подтверждает нашу первоначальную датировку и указывает вместе с тем на правильность стилистико-хронологической поправки. Что касается попытки А. Доза возвести образование романского артикля к V в. (см. A. D a u z a t, L'article existait-il au V-e siècle?, «Word», vol. V, № 2, 1949, стр. 123—125) на основании трех случаев деглутинации и агглютинации начальных звуков и слогов в трех романских словах (прованс. *lagramusa* < лат. *ill'acrimusa*; франц. диал. *taie* «пробабка» < лат. *ill'atavia*; франц. диал. *cinelle* «ягодка» < лат. *ill'acinella*), то она не вполне убедительна. Дело в том, что этимология первого из указанных существительных не ясна. Возможно, что мы имеем здесь дело с метафорическим производным от лат. *lacrima*. Артиклевое осмысление начального *a* в слове *atavia* и в связи с этим отделение этого гласного, относящееся к периоду до VII в. (т. е. до озвончения интервокальных глухих — ср. *atavia* > **tavia* > **taie*, но не **adavia* **daie*) маловероятны, поскольку термины родства в романских языках сравнительно поздно получают артикль. Наконец, в последнем случае (*cinelle*) отсутствие озвончения у *s* еще не говорит о раннем отпадении *a* (ср. франц. *acier* < лат. *acies*).

В заключение заметим, что проблема определения лингвистической поправки касается не только историко-языкового (диахронического) исследования, но в равной мере относится и к разного вида синхроническим исследованиям.

¹ W. v o n W a r t b u r g, Évolution et structure de la langue française, 3-e éd., Berne, 1946, стр. 30.

² Ср. C. H. B a l m o r i, *Cattos: gato*, «Revista del Instituto de filologia clásica del Univ. de Tucumán», 1949, стр. 75—84.

³ См. C. B r u n e l, Les plus anciennes chartes en langue provençale, «Recueil des pièces originales antérieures au XIII siècle», Paris, 1926.